

С.И. Посохов

УСТАВЫ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ XIX ВЕКА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ

Аннотация

В статье анализируются мнения, высказанные в публицистике и историографии, о роли уставов в истории российских университетов XIX — начала XX века. Автор делает вывод о том, что уставы с течением времени становились скорее символами, нежели выполняли функцию основного закона университетской жизни. На протяжении всего периода их существования уставы выступали в качестве символа автономии, который далеко неоднозначно трактовался в сообществах различной идейной ориентации и в разные исторические периоды. Дискуссии о роли университетских уставов — это полемика не только о границах университетского самоуправления, но и об образе того или иного университета, который существовал и существует в общественном сознании.

Пожалуй, трудно найти более значимое для университетской среды и близкое университетскому человеку понятие, чем «автономия». И это не случайно, ибо оно ассоциируется с такими дефинициями, как «свобода», «независимость», «права личности», которые, собственно, и формируют так называемую «идею университета».

Однако если мы попробуем разобраться с историческими формами этой свободы, то столкнемся с немалыми трудностями. Уже в дореволюционной публицистике можно найти противоположные мнения как о сути автономии, так и относительно факта ее наличия в университетах. В ходе идейной борьбы сталкивались различные представления об этой автономии. В своей основе они определялись пониманием механизмов взаимодействия общества и университета, социальных функций последнего. Дискуссии по университетскому вопросу часто выходили именно на эту проблему, а сущность реформирования университетов виделась собственно в автономии¹. Так или иначе, но подавляющее большинство авторов второй половины XIX — начала XX века не сомневались в том, что университеты имели и имеют автономию (другое дело, в каком масштабе),

¹ Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. С. 274.

что она является неотъемлемой частью университетской жизни. В 20–30-е годы XX века в советской литературе университетская автономия получила исключительно негативную оценку. Речь шла о «пресловутой автономии высшей школы». Она объявлялась лозунгом банкиров и крупных помещиков, которые использовали ее в своих классовых целях², «идеалистическим фетишем», который лишен конкретного смысла³. Если же автономия и упоминалась в историческом контексте, то делался вывод о том, что эта форма отжила вместе со старым университетом — «подлинным детищем феодально-помещичьего строя»⁴. В послевоенное время для историографии университетов характерным стал образ «недостижимой» автономии. Иногда даже на страницах одной книги по поводу университетской автономии можно найти разные мнения. Так, например, в юбилейном издании о Харьковском университете (к 175-летию со дня основания), с одной стороны, утверждается, что устав 1863 года не дал полной автономии университетам, а следующий устав, 1884, года окончательно ликвидировал университетскую автономию⁵. Удивление, а точнее, недоумение усилится, если посмотреть другие работы. Может сложиться впечатление, что каждый последующий университетский устав ликвидировал и без того ограниченное самоуправление. Для советской историографии такой вывод был предопределен постулатом о том, что в рамках самодержавия университетская автономия не могла иметь места.

Действительно, дать определение понятию автономии непросто. Однако вряд ли будет преувеличением считать его основой самоуправления.

Очевидно, что долгое время публицисты, да и исследователи не могли понять друг друга, поскольку говорили на разных «языках». Они пользовались абстракциями, далеко не всегда поясняя их. В результате возникли различные представления об университетской автономии, которые не подпадали под общее понятие. Попробуем продемонстрировать это, сравнивая оценки и мнения о роли и месте университетских уставов, высказанные в публицистике и историографии начиная со второй половины XIX века.

Некоторые современные исследователи называют уставы «конституциями» университетской жизни, считая, что именно они защищали четкую систему прав и обязанностей внутри университетского сообщества и по отношению к окружающему миру. Насколько такой взгляд был присущ авторам прошлого?

В советской историографии сложилось мнение, что в дореволюционный период роль уставов абсолютизировалась. Действительно, если посмотреть работы по истории отдельных университетов или обобщающие труды этого периода, которые затрагивают

² Роль студенчества в строительстве высших учебных заведений. С. 14

³ Столяров Я. На путях к советскому ВУЗу. С. 98.

⁴ Ряппо Я. Об управлении высшей школой. № 4–5.

⁵ Харьковский государственный университет, 1805–1980. Исторический очерк. С. 14.

историю университетов, бросается в глаза периодизация истории университетов, построенная на уставах⁶. Многочисленные дискуссии по университетскому вопросу также разворачивались вокруг тех или иных изменений в уставах. Характеристики, которые давались определенным этапам истории университетов Российской империи, также в значительной мере базируются на положениях уставов. Прежде всего, это объясняется формально-юридическим подходом, который был весьма распространен тогда не только среди исследователей-правоведов. И все же единодушия при определении роли университетских уставов в этот период не наблюдается. Было немало авторов, которые отрицали решающую роль уставов для университетов. Рассмотрим подробнее позиции сторон.

Уже во время обсуждения проекта устава 1863 года прозвучали мысли об особенном значении уставов для нормального течения университетской жизни. Так, Совет Харьковского университета отметил, что необходимо создать условия, когда бы университетский устав уважало «губернское, военное и гражданское начальство», для того «чтобы предупредить на будущее время преступные попытки против прав университетского сословия»⁷. Однако чаще роль уставов (при их изучении) демонстрировалась на конкретных примерах⁸. При всей пестроте оценок (иногда встречаются противоположные характеристики даже среди представителей одного идейного круга) постепенно укрепились достаточно стойкие, даже стереотипные, трактовки. В частности, в либеральной публицистике закрепился взгляд на университетские уставы 1804 и 1863 годов как на предоставлявшие значительную автономию, а на уставы 1835 и 1884 годов — как на консервативные, лишавшие университеты автономии (Д.И. Каченовский, В.А. Воробьев, П.Н. Милюков, В.И. Вернадский). Иногда это противопоставление даже намеренно усиливалось. Такие особенности публицистики и историографии были заметны уже современникам. В.И.Вернадский обратил внимание на то, что ненависть к уставу 1884 года привела к тому, что его предшественник — устав 1863 года — предстал в «необычайном сиянии и идеале»⁹.

Консервативно настроенные авторы занимали другую позицию при оценках роли уставов. С одной стороны, они с одержимостью боролись против устава 1863 года, считая, что именно он внес разлад в университетскую (да и не только) жизнь (Н.А. Любимов, М.Н. Катков). Н.А. Любимов, к примеру, писал: «Система «невмешательства», принятая по отношению к университетам правительственной властью во исполнение устава 1863 года, привела на практике к нынешнему отчуждению университетов от правительственной власти и породила значительную корпоративную ревность»¹⁰. Следствием действия этого устава Н.А. Любимов считал возникновение «деспотизма

⁶ Посохов С.И. Проблеми періодизації історії російських університетів XIX— початку XX ст. Х., 2002. Вип.5.

⁷ Замечания на проект общего университетского устава императорских российских университетов. С.296.

⁸ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. С.8–13.

⁹ Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы. С. 1.

¹⁰ Любимов Н.А. Мой вклад. С.560.

самоуправления»¹¹. С другой стороны, эти авторы стремились нивелировать разницу в уставах, отмечая, что дело не только в них. Так, Д.С. Левшин считал, что противопоставлять уставы 1804 и 1835 годов нецелесообразно. Он отмечал, что устав 1863 года соответствует «коренным началам» устава 1835 года¹². С данной точкой зрения в некоторой степени, соглашался Н.А. Любимов, подчеркивая, что отличия уставов (с точки зрения возможностей влияния на университет со стороны власти) не имеют радикального характера¹³. А Н.П. Гиляров-Платонов, в отличие от предыдущих авторов, считал, что недостатки в деятельности университетов вряд ли являются следствием устава 1863 года¹⁴. По его мнению, «голые формы университетского устава, которые, как бы ни были хороши, сами в себе еще не заключают условия, чтоб в них дышала действительная жизнь»¹⁵. В начале XX века такие мысли встречаются все чаще. Так, в одной из статей, которая имела характер воспоминаний, достаточно категорично отмечалось, что «устав имел для жизни университета мало значения, оно в большей мере определялось другими факторами»¹⁶.

Важно отметить, что авторы разных идейных направлений соглашались относительно того, что изменения уставов происходили по причинам, которые имели отдаленное отношение к образованию и науке¹⁷. Начиная с К.Д. Кавелина¹⁸, на страницах периодических изданий так или иначе звучала мысль о том, что не только благодаря уставам, но также вследствие многих исторических условий университеты либо приходят в упадок, либо развиваются. Достаточно четко она была высказана В.С. Иконниковым в его знаменитой работе «Русские университеты в связи с ходом общественного образования»: «Время имеет свои права и помимо уставов влияет на их (университетов. — С.П.) положение»¹⁹. Этот вывод станет широко распространенным на следующем этапе изучения вопроса.

Существенные изменения в историографии истории университетов произойдут в советскую эпоху. Автономия осталась в прошлом, и университетская демократия стала характеризоваться как «буржуазная». Университетские уставы назывались «плохой копией немецких», они начали трактоваться как средство притеснения («феодалные тиски устава 1884 года»²⁰). Относительно системы управления распространенной стала мысль о том, что она была «построена на самовластье, на прямом давлении административного центра»²¹.

¹¹ Любимов Н.А. Мой вклад. С.560.

¹² Замечания на проект общего университетского устава императорских российских университетов. С.361, 365.

¹³ Любимов Н.А. Указ.соч. С.5.

¹⁴ Гиляров-Платонов Н.П. Университетский вопрос. С.119.

¹⁵ Любимов Н.А. Мой вклад. С.560.

¹⁶ Сементовский Р.И. Устав и наука. С.1004.

¹⁷ Капнист П. Университетские вопросы. С.11; Воробьев В.А. К истории наших университетских уставов. С.187 и др.

¹⁸ Кавелин К.Д. Устройство и управление немецких университетов . С.93 (данная статья была впервые опубликована в 1865 г.).

¹⁹ Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования. С.114.

²⁰ Народна освіта на Україні. С.2.

²¹ Там же. С.7.

Среди первых попыток марксистского подхода к вопросу исследователи называют работу М.К. Корбута по истории Казанского университета. В уставе 1863 года он видел лишь уступку правительства, которую объяснял соотношением классовых сил. Находя в уставе «зачатки» автономии профессорской коллегии, он утверждал, что эта уступка была менее значительной, нежели это виделось либеральным авторам. Сопоставляя закон с положением дел, он делал вывод о том, что устав был «сам по себе», а жизнь «сама по себе», что реально действующим его никто и никогда не видел, поскольку правительство немедленно взяло свою уступку обратно, издав последующие распоряжения²². Характерным является и вывод В.И. Орлова об отсутствии принципиальной разницы между уставами 1863 и 1884 годов. По его мнению, лишь определенного рода слепота позволяет видеть центральную идею устава 1863 года в автономии профессорской корпорации²³. Нивелирование роли уставов в жизни университетов в советской историографии выявилось уже в том, что периодизация по уставам была отвергнута. В соответствии с новыми постулатами в основу периодизации истории университетов были положены «этапы освободительного движения», или же этапы кризиса общественного строя в Российской империи. Потому нередко в трудах по истории университетов главы так и назывались (например, «Харьковский университет в период разложения крепостничества и развития капиталистических отношений (1805–1860 года)», «Университетский вопрос в период второй революционной ситуации»)²⁴. Характерными являются тезисы о том, что «жизнь российских университетов формально регулировалась уставом»²⁵, что устав 1863 год был «нежелательной уступкой»²⁶, что разница между уставами (в данном случае имеются в виду уставы 1804 и 1835 годы.) была незначительна и университетское самоуправление с самого начала имело призрачный характер²⁷. Для советской историографии стал характерным поиск примеров «постоянного» нарушения устава со стороны правительства. Соответственно весьма распространённым стало утверждение о том, что уставы «в полном объеме» действовали очень недолго. Впрочем, хотя и была отмечена «научная безосновательность либерально-буржуазного толкования университетских уставов»²⁸, в обобщающих трудах и учебниках постепенно возрождался тезис о двух либеральных и двух консервативных уставах.

Образы университетов, которые возникли в предшествующее время, и сегодня продолжают существовать в научной литературе.

²² Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет, 1804/05– 1929/30. Казань, 1930.

²³ Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934.

²⁴ Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955; Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976 и др.

²⁵ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. С. 38.

²⁶ Щетинина Г.И. Университеты и общественное движение в России в пореформенный период. С. 172.

²⁷ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. С. 40.

²⁸ Эймонтова Р.Г. Университетская реформа 1863 г., 1961. С. 164.

В особенности это касается противопоставления уставов, о чем шла речь выше. Как отмечает Ю.В. Краснова, это «два различных по своему духу университетских устава — 1863 и 1884 годов». Первый она называет «либеральным», второй — «мертвящим»²⁹. Подобное противопоставление лежит в основе утверждения о том, что в системе высшего образования происходило последовательное колебание от одного полюса к другому, когда авторитарность и автономия сменяли друг друга³⁰.

Как и ранее, некоторые исследователи видят в уставах наглядные примеры того, как правительственные чиновники осуществляли попытки установить над университетами контроль³¹. Именно это имеется в виду, когда идет речь о том, что «в России весь строй жизни императорских университетов и всех высших учебных заведений жестко регламентировался правительственными Уставами»³². Тот факт, что «университеты законодательно полностью подчинялись самодержавию», трактуется как одна из причин противостояния университетов монархии³³. Как и прежде, говорится о постоянном нарушении принципов устава циркулярами министерства, отмечается, что «временные инструкции оказывались сильнее закона», и тем самым подчеркивается, что «авторитарная власть не могла примириться даже с тенью университетской автономии»³⁴. В другом случае замечается, что, скажем, устав 1863 года «просуществовал три-четыре года»³⁵. Понятно, что в основе таких рассуждений лежит уже известный тезис о несовместимости этого либерального устава с самодержавием, о его «обреченности»³⁶. Однако в отличие от предшествующего исторического этапа, такие высказывания все же иногда сопровождаются ремаркой, что «профессорскому сообществу удавалось отстаивать в уставах университетскую автономию»³⁷. В настоящее время значительно больше авторов подчеркивают важную роль устава 1863 года³⁸. По словам одного из них, он был «передовым во всех отношениях, в сравнении с ведущими университетскими странами»³⁹. Впрочем, также немало исследователей продолжают отмечать, что устав предоставил «ограниченную», «известную», «своего рода» автономию⁴⁰.

²⁹ Краснова Ю.В. Идеал преподавания: преподавание на историко-филологических факультетах Московского и Санкт-Петербургского университетов в воспоминаниях. С. 100.

³⁰ Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года. С. 261.

³¹ Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX — начала XX в. С. 44.

³² Олесич Н. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. С. 88.

³³ Там же.

³⁴ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. С. 198.

³⁵ Київський університет імені Тараса Шевченка. Сторінки історії і сьогодення. С. 30.

³⁶ Искра Л.М. Б.Н.Чичерин и университетская реформа 1884 г. С. 104.

³⁷ Горин Д.Г. Указ. соч. С. 44.

³⁸ Григорьян Н.А. Великие русские ученые о реформе образования и науки. С. 107; Реформы Александра II. М., 1998. С. 33; История Казанского университета. Казань, 2004. С. 129.

³⁹ Писарева Е.А. Організаційно-правові основи діяльності університетів Російської імперії другої половини XIX ст. (на матеріалах України). С. 1.

⁴⁰ Иванов А.Е. Варшавский университет в конце XIX – начале XX века. С. 198; Вербицкая Л.А., Тишкин Г.А. Петербургский университет в истории русской культуры. С. 13; Крыш Г.Н. Университетская молодежь Украины в начале XX века. С. 94.

Особенно устойчивыми оказались характеристики уставов 1835 и 1884 годов. Их продолжают называть «реакционными», связывая с ними соответствующие «контрреформы», которые означали «ликвидацию» («уничтожение») автономии и «узаконение полицейского надзора»⁴¹.

Наиболее резкие оценки по-прежнему звучат в адрес устава 1884 года. Считается, что он не только лишил университеты «минимальной автономии»⁴², «унизил профессуру», но и продемонстрировал совсем иное понимание власти и права⁴³. С ним связывают политические, а не педагогические цели⁴⁴. Делается вывод, что он принес значительный вред университетам и науке в целом, поскольку отменил традиционные атрибуты академических свобод⁴⁵. Важно отметить, что для подтверждения этого вывода, современные исследователи приводят высказывания либеральной профессуры второй половины XIX — начала XX века. Преимуществом образцов очевидна.

Однако новый исторический этап принес и новые идеи. В частности, некоторые исследователи начали отходить от односторонних оценок устава 1835 года⁴⁶. А.Ю. Андреев обосновал вывод о том, что данный устав «стал шагом вперед на пути дальнейшей модернизации российских университетов»⁴⁷. Другие авторы отмечают, что устав 1863 года не отрицал, а продолжал линию предшествующего устава, а именно, «укрепляя возрастающую роль представительских органов, в целом усиливал роль государства в университетском строительстве»⁴⁸. Такой же мысли придерживается и американский исследователь истории российских университетов С. Кэссоу: «Непосредственный смысл Устава 1863 года заключается не в «либерализации», а в развитии понятия «государственный университет»⁴⁹. Тем самым исследователи отошли от трактовки данного устава как такого, который, развивая самоуправление, ограничивал роль государства в организации многоплановой деятельности университетов.

Но, безусловно, большую роль в переосмыслении роли уставов в университетской жизни имеют новые оценки устава 1884 года. Авторы стремятся отойти от односторонних характеристик своих предшественников и посмотреть на него с различных точек зрения.

⁴¹ Афонюшкина А.В. О правительственной политике России 20–40-х годов XIX в. в области университетского образования. С. 9; Григорьян Н.А. Указ. соч. С. 106; Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. С. 106; Олесич Н. Указ. соч. С. 73; Історія Одеського університету (1865–2000). С. 51; Поляков М.В., Савчук В.С. Класичний університет: еволюція, сучасний стан, перспективи. С. 114.

⁴² Історія Одеського університету (1865–2000). С. 12.

⁴³ Антощенко А.В. История одной отставки. С. 247.

⁴⁴ Глебов А.Г. П.Г. Виноградов об «университетском вопросе» в России начала XX в. С. 132.

⁴⁵ Вучинич А. Русская наука в эпоху кризиса: 1890 - 1910 гг. С. 4.

⁴⁶ Лаптева Л.П. [Рецензия] // Славяноведение . 1998. № 3. С. 103; Хотеев В., Чернета В. Граф С.С. Уваров – министр и просветитель. С. 151.

⁴⁷ Андреев А.Ю. «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века. С. 50.

⁴⁸ Третий университетский устав. С. 135.

⁴⁹ Кэссоу С. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения. С. 322.

Достаточно частым явлением стало замечание о том, что его нельзя оценить однозначно⁵⁰. В частности, отмечается, что в уставе «снова был сделан шаг вперед на пути к классическому университету..., а с другой стороны, управление университетом загрузило в бюрократическом контроле»⁵¹, подчеркивается, что «введение устава 1884 года нельзя рассматривать однозначно как политическое мероприятие, которое не имело отношения к улучшению учебного процесса»⁵². отошли некоторые авторы и от взгляда на этот устав как на тот, что полностью ликвидировал университетскую автономию. Отмечается, что «устав сохранил ряд важных функций этой автономии»⁵³. Сделаны любопытные наблюдения о том, что в Положение о высшей школе СССР вошел ряд позиций устава 1884 года⁵⁴, что учебный процесс в эмигрантских учебных заведениях Праги и Харбина был построен на основе положений устава 1884 года⁵⁵. В результате логичным представляется вывод, сделанный В.И. Чесноковым: «И в дореволюционной, и в советской литературе ... муссировался сюжет об университетских уставах, либеральных и так называемых чугунных, без оглядки на тот очевидный факт, что жизнь университетов развивалась и в силу внутренних традиций и преемственности опыта. Абсолютизируя роль уставов в развитии университетов, историки-марксисты по сути дела шли по пути критикуемой ими государственно-юридической школы в историографии. Что касается пресловутых чугунных уставов 1835 и 1884 годов, то и в условиях их действия университеты развивались вполне нормально, готовили прекрасных профессоров и деятелей науки и давали необходимое образование студентам»⁵⁶.

Но при том, что такие характеристики не только несколько уравновесили университетские уставы разных лет, но и объективно понизили их роль в организации университетской жизни, можно сказать, что в целом в литературе возрождается взгляд на уставы как на основной закон университетов. В ряде случаев само слово «устав» стали писать с большой буквы. Возрождается также периодизация истории университетов по уставам (как отмечается в одном из юбилейных изданий, «в дореволюционный период гранью между этапами развития были... в первую очередь университетские уставы, утверждаемые высшей властью, которые в гораздо большей степени влияли на внутриуниверситетскую жизнь, чем классовые противоречия, а в советское время — переломные моменты истории страны»⁵⁷).

⁵⁰ Искра Л.М. Указ.соч. С. 78; Чесноков И.В. К вопросу о влиянии устава 1884 года на университетское историческое образование в России. С. 67

⁵¹ Андреев А. Ю. «Національна модель» університетської освіти: проблеми виникнення та розвитку в Західній Європі та Російській імперії. С. 102.

⁵² Струкова Г.О. Влияние статута 1884 р. на постановку навчального процесу в Харківському університеті. С. 246.

⁵³ История Казанского университета. С. 179.

⁵⁴ Искра В.И. Владимир Иванович Чесноков как ученый. С. 17.

⁵⁵ Платонова Е.Э. Революция и поиски своего пути вузовской интеллигенцией и студенчеством. С. 92.

⁵⁶ Чесноков В.И. Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов. С. 144–145.

⁵⁷ История Казанского университета. С. 5.

В то же время нельзя не заметить противоречий иного рода. С одной стороны, утверждается, что основным принципом университетских уставов была мелочная регламентация деятельности высших учебных заведений, которая не оставляла им и тени самостоятельности⁵⁸. С другой — делается замечание, что сама профессура желала, чтобы в уставе детально были прописаны правительственные обязательства в отношении численности штата, прав совета и факультетов⁵⁹. Некоторые исследователи высказывают мысль о том, что «законодательство отражало не столько состояние дел и потребности высшего образования, сколько особенности правительственного курса; отсюда его спорадичность, мелочность, бессистемность»⁶⁰. Весьма интересна мысль о том, что особое значение, которое придавалось уставу, объясняется не только финансовой зависимостью университетов от государства, но и тем, что в России, в отличие от других стран, не было длительной традиции университетского образования. А значит, общественное мнение не играет роли бастиона, защищающего образовательное учреждение от чрезмерного вмешательства государства. Соответственно, «доверие было заменено уставом»⁶¹.

Таким образом, постсоветская эпоха в исследовании данного вопроса выразилась в замечаниях о том, что тот или другой устав не следует оценивать однозначно. Наблюдается стремление взглянуть на уставы не только с точки зрения системы управления. Сделан вывод о том, что в начале XX века в России сформировалась своеобразная система управления высшей школой, которая включала элементы и централизации, и децентрализации⁶². Впрочем, вопрос о роли уставов в жизни университетов на сегодняшний день нельзя считать изученным. Противоречия, которые имеются в опубликованных материалах и которые еще не стали предметом дискуссии, тому подтверждение.

По нашему мнению, при проведении дальнейших исследований следует иметь в виду, что на протяжении XIX века существенно изменилось место университетского устава в правовом поле. Если в начале XIX века устав фактически был основным законом университетской жизни, то в последующем он постепенно становился скорее декларацией, которая находила свое пояснение в других законах и многочисленных циркулярах. То есть ограниченное количество его положений по мере возрастания государственного вмешательства во все сферы жизни, а также расширения университетской сети и университетских задач просто было не способно эффективно регулировать процессы в университете и вокруг него. Некоторые положения были чрезмерно общими, другие — совсем незначительными. В последнем варианте это приводило к тому, что

⁵⁸ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. С. 174.

⁵⁹ Кэссоу С. Указ. соч. С. 323.

⁶⁰ Чиркова И.М. Университеты в системе правительственной политики России второй половины XIX века. С. 67.

⁶¹ Кэссоу С. Указ. соч. С. 323.

через некоторое время та или другая позиция становилась неактуальной. Не удивительно, что, по подсчетам А.Е.Иванова, к 1913 году были откорректированы 42 из 149 статей устава 1884 года⁶³ (хотя такие изменения часто объясняются постоянно меняющейся политической конъюнктурой⁶⁴, в основе этого процесса, по нашему мнению, было прежде всего несоответствие между уставом и другими законодательными актами). Безусловно, такие постоянные изменения не могли не сказаться на значении устава, роль которого в организации университетской жизни падала. Устав со временем становился скорее символом (хотя и весьма важным). Неудивительно, что уже до революции авторы существенно расходились при характеристике идейной направленности конкретных университетских уставов: кто-то их объединял, а кто-то противопоставлял. Неоднозначно воспринимался университетский устав и в различной социально-политической среде. Для профессоров университета это был символ самоуправления, для правительства — децентрализации, для леворадикальной оппозиции — обмана, для либеральных общественных деятелей — прообраз конституции. И все же не будет ошибкой отметить, что для всех он был символом автономии, которая имела различную трактовку и изображалась различными красками.

Так или иначе, дискуссии вокруг уставов — это прежде всего дискуссии по проблеме самоуправления. Отметим, что в научной литературе наблюдается постепенная тенденция к принижению роли уставов. Для советской историографии такой взгляд был определен как господствующей идеологией, так и практикой университетской жизни. Однако проявилась эта тенденция ещё в до-революционный период. В завершение отметим, что изучение университетских уставов сквозь призму культурной истории еще ожидает своего исследователя.

1. Андреев А.Ю. «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века // ОИ. 2004. № 2.
2. Антощенко А.В. История одной отставки // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. Вып. 4.
3. Афонюшкина А.В. О правительственной политике России 20–40-х годов XIX в. в области университетского образования // Российские университеты в XIX — начале XX века. Воронеж, 1993.
4. Вербицкая Л.А., Тишкин Г.А. Петербургский университет в истории русской культуры // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 2000.
5. Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы. М., 1901.
6. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года. — М., 1995.
7. Гиляров-Платонов Н.П. Университетский вопрос. СПб., 1903.
8. Глебов А.Г. П.Г. Виноградов об «университетском вопросе» в России начала XX в. // Российские университеты в XIX — начале XX века. Воронеж, 1993.

Литература

⁶³ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века.

⁶⁴ Очерки истории Казанского университета. С. 123.

9. Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX — начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков. Брянск, 1996.
10. Григорьян Н.А. Великие русские ученые о реформе образования и науки // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 2.
11. Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. СПб., 1907. С. 274.
12. Замечания на проект общего университетского устава императорских российских университетов. СПб., 1862.
13. Иванов А.Е. Варшавский университет в конце XIX — начале XX века // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.). Варшава, 1995.
14. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991.
15. Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 10.
16. Искра В.И. Владимир Иванович Чесноков как ученый // Российские университеты в XVIII — XX веках. Воронеж, 2002.
17. Искра Л.М. Б.Н. Чичерин и университетская реформа 1884 г. // Российские университеты в XIX — начале XX века. Воронеж, 1993.
18. История Казанского университета. Казань, 2004.
19. Кавелин К.Д. Устройство и управление немецких университетов // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1899. Т.3.
20. Капнист П. Университетские вопросы. СПб., 1904.
21. Краснова Ю.В. Идеал преподавания: преподавание на историко-филологических факультетах Московского и Санкт-Петербургского университетов в воспоминаниях современников (70-е гг. XIX — начало XX в.) // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 2002. № 2.
22. Кэссоу С. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения // Великие реформы в России, 1856–1878. М., 1992.
23. Любимов Н.А. Мой вклад. М., 1881.
24. Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998.
25. Олесич Н. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1999.
26. Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934.
27. Платонова Е.Э. Революция и поиски своего пути вузовской интеллигенцией и студенчеством // Феномен российской интеллигенции. История и психология: Матер. Междунар. науч. конф. СПб., 2000.
28. Реформы Александра II. М., 1998.
29. Роль студенчества в строительстве высших учебных заведений // Студент революции. 1922. № 1.
30. Ряппо Я. Об управлении высшей школой // Путь просвещения. 1924. № № 4–5.
31. Сементовский Р.И. Устав и наука // Исторический вестник. 1911. № 3.
32. Столяров Я. На путях к советскому ВУЗу // Путь просвещения. 1924. № 10.
33. Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955.
34. Харьковский государственный университет, 1805–1980. Исторический очерк. Харьков, 1980.

35. Хотеенков В., Чернета В. Граф С.С. Уваров — министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 2.
36. Чесноков И.В. К вопросу о влиянии устава 1884 года на университетское историческое образование в России // Российские университеты в XVIII–XX веках. Воронеж, 1999. Вып. 4.
37. Чиркова И.М. Университеты в системе правительственной политики России второй половины XIX века // Университеты в XVIII–XX веках. Воронеж, 2000. Вып. 5.
38. Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976.
39. Щетинина Г.И. Университеты и общественное движение в России в пореформенный период // Исторические записки. 1969. Т.84.
40. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 8–13.
41. Історія Одеського університету (1865–2000). Одеса, 2000. С. 12.
42. Крыш Г.Н. Университетская молодежь Украины в начале XX века // Класичні університети — центри освіти, науки і культури регіонів: традиції та сучасність: Матер. Міжнар. науково-практ. конф. Дніпропетровськ, 2003. С. 94.
43. Писарева Е.А. Організаційно-правові основи діяльності університетів Російської імперії другої половини XIX ст. (на матеріалах України). Автореф. ... дис. канд. юр. наук. — Харків, 2001.
44. Поляков М.В., Савчук В.С. Класичний університет: еволюція, сучасний стан, перспективи. К., 2004.